

На правах рукописи

Лу Бо

**Русские экспрессивные синтаксические конструкции
как коммуникативные единицы**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Воронеж – 2015

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Воронежский государственный университет», на кафедре общего языкознания и стилистики.

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Вахтель Наталия Михайловна

Официальные оппоненты:

Крейдлин Григорий Ефимович, доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет», кафедра русского языка, профессор

Лапынина Надежда Николаевна, кандидат филологических наук, ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный строительный университет», кафедра русского языка, профессор

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»

Защита состоится 22 октября 2015 г. в 13-30 на заседании диссертационного совета Д 212.038.07 в ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет» по адресу: 394006, г. Воронеж, Пл. Ленина, 10, аудитория 85.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке и на сайте ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет» www.science.vsu.ru (вкладки Наука - Защита диссертаций).

Автореферат разослан «___» октября 2015 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета

Голицына Татьяна Николаевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Объектом исследования в настоящей работе являются сочетания слов, которые принято называть коммуникативами (*А как же! Не то слово! А то!* и др., хотя существуют и другие термины для их обозначения. Коммуникативы в человеческом общении, особенно в разговорной речи, встречаются постоянно. Они представляют собой нечленимые конструкции, экспрессивно выражающие различные интенции, коммуникативные цели и передают разнообразные эмоции.

Такие экспрессивные синтаксические конструкции выполняют коммуникативные функции в живой русской речи.

Предметом исследования стали коммуникативные смыслы и интенции, закреплённые за экспрессивными сочетаниями, которые, как правило, выражены имплицитно и амбивалентно.

В последнее время появился термин «коммуникема», введённый В.Ю. Меликяном, автором «Словаря эмоционально-экспрессивных оборотов живой речи» (2001), где впервые собрано более 650 нечленимых предложений, которые автор называет коммуникемами, выражающими значения «утверждения», «отрицания» и «оценки». В этот словарь включены и фразеосхемы, то есть «фразеологизированные конструкции, обладающие лексической проницаемостью и определяемой синтаксической схемой, тесно и органично сочетающиеся с другими высказываниями в рамках текста» (Меликян 2006). Фразеосхемы, или в другой терминологии «фраземы», обладают «понятийной семантикой (номинативной, то есть равной суждению). Таким образом, к эмоционально-экспрессивным синтаксическим единицам, судя по словарю В.Ю. Меликяна, относятся фразеосхемы и коммуникемы, которые в свою очередь обладают непонятийной (неноминативной, то есть не выражающей суждение) семантикой.

Специфические коммуникативные единицы, не соответствующие никакой грамматической модели классических предложений, выполняющие регулятивную функцию и выражающие большой диапазон модально-прагматических значений, сегодня получают самую разнообразную квалификацию в работах учёных-лингвистов. Примером терминологического разнообразия служат следующие термины: «фразоиды» (Л.Теньер); «слова-предложения» (Грамматика, 1954); «неполнозначные слова» (Ю. И. Леденёв); «сентенсоиды» (И.И. Прибыток); «релятив» (Г.В. Валимова, О.Б. Сиротинина); «метакоммуникативные сигналы слушающего» (Г.Д. Чхетиани); «грамматические фразеологизмы» (А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский); «фразема» (Л.Л. Иомдин); «фразеосхема» (Д.Н. Шмелёв); «реплики-клише» (А.В. Исаченко); «коммуникативы» (С.В. Андреева); «коммуникемы» (В.Ю. Меликян); «вторичные междометия» (В. Н. Шаронов); «неопознанные синтаксические объекты» (С.Г. Ильенко).

Существование такого количества терминов, обозначающих близкие, но всё-таки неодинаковые явления, не может отвечать современному уровню требований к анализу единиц языка и речи и к практике преподавания русского языка как иностранного. Анализ указанных единиц позволит «опознать» их, выявить специфику их использования и описать их коммуникативные смыслы, которые выражены имплицитно. Названные синтаксические экспрессивные сочетания являются функциональными заместителями высказываний. Они имеют свою специфику, которая заключается в том, что грамматически они не соответствуют предложениям и выполняют речерегулирующую функцию с большим диапазоном модальных значений и прагматических интенций. С учётом разного вида коммуникативной информации, передаваемой такого вида единицами, назрела необходимость детализации и дифференциации коммуникативных экспрессивных построений, используемых в русской речи. Мы разделяем точку зрения Н.В. Богдановой, выделяющей проблему «инвентаря тех единиц, которые должны стать стержнем любой грамматики, в том числе и грамматики речи» (Богданова 2010).

Всё сказанное обеспечивает **актуальность** данного исследования.

Цель исследования заключается в выявлении и описании функционально-семантической и прагматической специфики синтаксических экспрессивных сочетаний, квалифицируемых автором данного исследования как коммуникативы, метакоммуникативы и коммуникемы.

Задачами исследования являются:

1) обобщение данных о коммуникативных нечленимых экспрессивных единицах разговорного синтаксиса, представленных в лингвистических исследованиях;

2) установление критериев разграничения нечленимых экспрессивных сочетаний;

3) определение имплицитных смыслов, формируемых коммуникативами, метакоммуникативами и коммуникемами.

Методы исследования продиктованы теми задачами, которые обусловлены самой целью работы. Это описательный метод с использованием наблюдения, обобщения и интерпретации, а также элементы дискурс-анализа, позволяющего выявить прагматическую сущность экспрессивных построений и их дискурсивные функции.

Методологической и методической основой работы послужили труды видных исследователей русской диалогической и монологической речи: С.В. Андреевой, А.Н. Баранова И.Н. Борисовой, В.З. Демьянкова, Е.А. Емской, Г.Т. Инфантовой, Н.А. Коминой, В.И. Красных, Г.Е. Крейдлина, О.А. Лаптевой, М.Л. Макарова, О.Б. Сиротининой, М.Ю. Федосюк, Н.И. Формановской, И.А. Шаронова, Н.Ю. Шведовой, Д.Н. Шмелёва, и многих других.

Материалом исследования послужили телевизионные диалоги, прозвучавшие в некоторых программах («Модный приговор», «Наедине со всеми», «Вечерний Ургант», «Пусть говорят», «Прямой эфир», «Говорим и показываем», «Давай поженимся» с 2012 по 2014 гг. (в общей сложности 7 часов звучания), письменные диалоги в современных художественных произведениях, стилизованные под разговорную живую речь, газетно-публицистические тексты, где диалогизация стала особым эффективным журналистским приемом, и диалоги из кинофильмов. Привлекался и материал «Национального корпуса русского языка» (ruscorpora.ru) и ручные блокнотные записи живой разговорной русской речи. В общей сложности фактический материал составил около 4-х с половиной тысяч примеров с использованием экспрессивных нечленимых синтаксических единиц, которые представляют собой открытый список, на момент настоящего исследования в нём насчитывается 216 единиц.

В качестве предварительной гипотезы исследования было выдвинуто положение о том, что нечленимые экспрессивные синтаксические построения по-разному функционируют в живой разговорной русской речи и поэтому нуждаются в дифференциации, которая позволит выделить три их разновидности: коммуникативы, метакоммуникативы и коммуникемы.

Теоретическая значимость работы состоит в систематизации и дифференциации неоднородных по своему составу нечленимых неноминативных высказываний, определяемых неоднозначно, что затрудняет анализ русской разговорной речи, а иногда и понимание их прагматического значения в диалоге. Исследуемые единицы, как показал материал работы, относятся к нормативным явлениям современной разговорной речи.

Научная новизна диссертации определяется следующим:

- вкладом в систематизацию экспрессивных языковых средств синтаксического уровня языка, выполняющих речеактовые, метатекстовые и оценочные функции;
- введением в научный оборот понятия метакоммуникативов как особого класса экспрессивных синтаксических конструкций, представляющих собой разнообразные комбинации сочетаний частиц, наречий, союзов, местоимений и междометий, выполняющих метатекстовые функции;
- дифференциацией эмоционально-экспрессивных синтаксических единиц (коммуникативов, метакоммуникативов и коммуникем) на основе их функционирования в современной живой русской разговорной речи.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования её результатов в курсах по синтаксису разговорной речи, прагмалингвистике, спецкурсах по лингвистике диалога и в практике преподавания русского языка как иностранного.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Экспрессивно-эмоциональные синтаксические построения как единицы диалогического дискурса не относятся к так называемым «сорнякам речи», а являются неотъемлемыми средствами эффективной коммуникации.

2. Среди таких построений на основе выполняемых ими функций наиболее чётко выделяются три их разновидности: коммуникативы, метакоммуникативы и коммуникемы.

3. Коммуникативы выражают интенции говорящего, выполняют речеактовые функции, обязательно предполагают или «иллокутивно вынуждают» соответствующую реакцию со стороны слушающего и сами могут выступать в роли ответных реплик.

4. Метакоммуникативы, в отличие от коммуникативов, выполняют метатекстовые функции и не имеют коммуникативной направленности на адресата.

5. Коммуникемы экспрессивно выражают эмоции, не являются речевыми актами, не предполагают обязательной реакции со стороны адресата, которого может и не быть.

6. Интегральными характеристиками этих единиц будут: а) формирование на основе десемантизированной полнозначной лексики; б) тесная связь с контекстом и ситуацией; в) модусная составляющая семантики; г) наличие категории «отношение», однако характер этого отношения различен; г) они являются непреложенческими и неноминативными единицами.

Апробация основных положений и результатов исследования осуществлялась на ежегодных конференциях Воронежского государственного университета «Культура общения и её формирование». Отдельные положения работы обсуждались на заседаниях и аспирантских семинарах кафедры общего языкознания и стилистики ВГУ. Основные положения диссертации отражены в шести публикациях, три из них представлены в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Диссертация состоит из введения, четырёх глав, заключения и списка использованной литературы.

Во введении аргументируются актуальность и научная новизна диссертации, формулируются цель и задачи работы, её объект и предмет, формулируются основные положения и определяется терминологический аппарат.

В первой главе «**Теоретические проблемы исследования экспрессивных синтаксических конструкций**» рассматривается понятие экспрессивности в синтаксисе, обсуждаются проблемы диалогического дискурса и разговорной речи.

Категория экспрессивности взаимодействует со структурной организацией построений. Ср.:

- 1) *Сказать легко, сделать трудно!*
- 2) *Легко сказать, 1000 долларов!*

Инверсия, сама по себе являющаяся экспрессивным синтаксическим средством, приводит к нечленности нового образования «Легко сказать» и к абсолютно новой семантике и прагматике этого высказывания. Если в первом случае перед нами сложная синтаксическая конструкция, состоящая из двух простых однокомпонентных инфинитивных предложений, обладающая экспрессией, обусловленной антитезой, то во втором случае рождается новая структура, тоже обладающая экспрессией, но превращающаяся в нечленимое предложение или коммуникатив. Это уже особый речевой акт, выражающий сразу несколько интенций: неодобрение, возмущение в сочетании с несогласием по поводу того, что кажется трудным, невыполнимым.

Экспрессивизация высказывания осуществляется с помощью огромного, необозримого разнообразия языковых средств и способов, выбор которых задается намерением говорящего.

Семантическая категория экспрессивности связана с категорией интенсивности. Проблема корреляции этих понятий и анализ указанных семантических категорий в функционально-прагматическом аспекте затрагивалась в диссертации В.В. Безруковой (2004) на материале английского языка. Автор относит категорию интенсивности к лингвопрагматической категории и характеризует её как субъективную, что делает её средством индивидуализации высказывания и речи в целом. Можно сказать, что экспрессивность – это такое свойство речи, благодаря которому она начинает передавать смысл наиболее интенсивно. Единство экспрессивности и интенсивности как её составляющей создаёт прагматический эффект усиленного воздействия на адресата.

Обозначим специфические особенности экспрессивных нечленимых высказываний. Они обладают многозначностью; зависимостью от конституации; эмоциональностью; обращенностью к сфере прагматических смыслов; воздействующей и регулятивной заданностью; реактивностью, быстрым реагированием на происходящее в рамках определенного коммуникативного акта; изолированностью синтаксической позиции; десемантизацией компонентов; характеризуются утратой словоизменительных и сочетаемостных возможностей; внутренней аморфностью грамматической модели.

В работе используются термины *коммуникатив*, *метакоммуникатив* и *коммуникема*. Их дифференциация проводится на том основании, что коммуникативы обладают неноминативной, непонятийной, семантикой и характеризуются нечленностью, выполняют воздействующую регулятивную функцию, что позволяет причислить их к речевым актам. Метакоммуникативы, в отличие от коммуникативов, выполняют метатекстовые функции и не имеют коммуникативной направленности на адресата. Коммуникемы передают фактуальную информацию,

манифестирующую речевое реагирование как органическое свойство человека, его психики.

Проблема понимания структуры, семантики и прагматики подобных построений характеризуется определённой сложностью. Она заключается в том, что в современной языковой ситуации, когда разговорная речь проникает в средства массовой информации, публицистику, человеку – носителю иной речевой культуры – трудно понимать живую русскую разговорную речь, невозможно адекватно интерпретировать речь ведущих и гостей разнообразных ток-шоу. Так, в передаче «Пусть говорят» от 05.12.2012 года писатель Лена Ленина обратилась с просьбой к ведущему Андрею Малахову: *«Дайте ей рассказать свою историю, ёлки-палки!»* Интерпретировать просторечный экспрессивный эвфемизм достаточно сложно, поскольку с учётом интонации и в зависимости от характера коммуникативной ситуации он может быть выражением самых разнообразных иногда полярных эмоций: досады, разочарования, удивления, порицания, радости, гнева и даже восхищения.

По мнению В.Ю. Меликяна, к коммуникемам относятся следующие единицы:

- 1) коммуникемы утверждения/отрицания: *Ещё бы! Как бы не так! Безусловно;*
- 2) эмоционально-оценочные коммуникемы: *Вот это да! Здравсьте!*
- 3) коммуникемы волеизъявления, выражающие императивные возгласы, призывы, команды: *Айда! Давай!*
- 4) контактоустанавливающие коммуникемы: *Алло! Внимание!*
- 5) этикетные коммуникемы, представляющие собой изъявление благодарности: *(Не за что!),* извинения *(Пardon!),* приветствия *(Здравствуйте!);*
- 6) вопросительные коммуникемы: *Ведь так? Неужели? Ну?*
- 7) текстообразующие коммуникемы, выполняющие в тексте композиционно-организующую роль: *Итак, И потом...*

Даже поверхностный анализ приведённого перечня единиц, объединяемых термином «коммуникема», заставляет усомниться в его корректности. На наш взгляд, единицы, выражающие эмоциональную оценку, волеизъявление и установление контакта, имеют принципиальные различия при наличии и общих черт.

Все указанные единицы обладают экспрессивностью, под которой мы понимаем особое качество языковых единиц, связанное с их установкой на всякое усиление или необычное выражение мысли, чувства и воли в языке и речи. Однако, как справедливо пишет Л.А.Киселёва, экспрессивность может быть оценена, с точки зрения адресата сообщения, как сила субъективного «переживания» и, с точки зрения адресанта сообщения, как сила воздействия (Киселёва, 1971). Ещё Ш.Балли разграничивал две цели аффективной функции языка: а) выражение субъективного мира говорящего и б) выбор соответствующих средств для воздействия. Кроме того, экспрессивная

эмотивность на синтаксическом уровне и в лексической системе языка значительно расходятся. Это расхождение заключается в экспрессивном выражении субъективного «переживания» адресанта или адресата, что реализуется устойчивыми и нерасчленёнными единицами, близкими к лексемам, несмотря на их синтаксическое происхождение, и в экспрессивном выражении степени воздействия адресанта или адресата в ответных репликах. Выражение субъективного переживания реализуется устойчивыми нерасчленёнными синтаксическими фразеологическими сочетаниями, в большей степени относящимися к лексико-фразеологическому уровню языка, которые могут быть названы коммуникемами по аналогии с терминами, обозначающими единицы этого уровня: экспрессемы, стилемы и т.п. Выражение разной степени воздействия в ответных диалогических репликах нечленимыми синтаксическими конструкциями, относящимися к синтаксическому языковому уровню, могут быть названы коммуникативами по аналогии с терминами, обозначающими разновидности речевых актов. Коммуникативы выражают интенции говорящего, выполняют речеактовые функции, обязательно предполагают или «иллокутивно вынуждают» соответствующую реакцию со стороны слушающего, например: *Вот ещё!* – экспрессивный отказ, ответная реакция на просьбу. Коммуникемы экспрессивно выражают эмоции, не являются речевыми актами, не предполагают обязательной реакции со стороны адресата, которого может и не быть, например: *Вот это да!* – экспрессивное выражение удивления или восхищения. И коммуникативы, и коммуникемы сигнализируют об определённых речевых поступках, под которыми мы понимаем адресованное речевое действие, которое имеет форму языкового выражения (план выражения) и некий коммуникативный смысл (план содержания). Точнее было бы назвать: прагматический план содержания.

Вслед за А.А. Леонтьевым, под коммуникативным смыслом мы понимаем «отношение мотива коммуникативного поведения к цели, интенции речевого поступка. Речевая интенция всегда опосредована личностными смыслами, которые формируют решение коммуниканта о характере высказывания» (Леонтьев 1997). Эти процессы происходят в рамках диалога, точнее, в вопросно-ответном единстве как минимальной диалогической единице.

По нашему мнению, основными функциями экспрессивных сочетаний являются: речеактовая, метаязыковая и эмоционально-оценочная функции. Речеактовая функция закрепилась за коммуникативами; метаязыковая – за метакоммуникативами; экспрессивно-оценочная – за коммуникемами.

Во второй главе «**Функционально-семантическая и прагматическая характеристика коммуникативов**» на конкретных примерах подтверждается наличие регулирующей, речеактовой функции коммуникативов, категориальным значением которых является значение отношения к содержанию реплики-стимула. Формируется оно с опорой на объективную сторону функционально-семантической категории модальности, но выражает субъективное отношение к собеседнику, заключенное в

интенции реплики-реакции. Коммуникативы формируют разнообразные коммуникативные значения согласия/несогласия, безразличия и некоторые побуждения (директивы) и маркируют конечный перлокутивный эффект, который может оказаться как успешным, так и неуспешным. Различного рода модификации коммуникативов выражают различные дополнительные оттенки и коннотации указанных значений.

Согласие – это, во-первых, констатация правильности мнения собеседника, положительная оценка этого мнения как соответствующего действительности, выражение и подтверждение общности взглядов. Во-вторых, это положительный ответ-реакция на любое побуждение (вопрос, предложение, просьбу, приказ и т.д.). Оно всегда возникает в рамках двух высказываний, и не обязательно являющихся репликами диалога и принадлежащих разным лицам. Однако типичный случай реализации согласия – это диалогическое единство вопросно-ответной формы диалогического дискурса.

Большую роль в реализации согласия, подтверждения и разрешения играют следующие коммуникативы: *А как же! А то! А то нет! Без вопросов! Вот-вот! Вот то-то и оно! (Ну) ладно! Делать нечего. Ещё бы! Ещё бы нет! Не вопрос! Не то слово! По рукам! Само собой! Так точно!* и др.

Обычно коммуникативы согласия представляют собой непосредственную реакцию на любой вопрос.

- *Ты моих тапок случайно не видел?*

- *Как же, как же! Видел!*

(Из разг. речи)

В русском общении чрезвычайно широко используется модификация рассматриваемого коммуникатива. Его вариант *А как же!* начинает реализовывать значение согласия в тех случаях, когда реплика-стимул представляет собой косвенный речевой акт побуждения и имеет форму вопросительного высказывания.

Так, косвенное предложение иллокутивно вынуждает согласие:

- *Ты хотел бы поехать в Сочи на олимпиаду?*

- *А как же! Конечно, хотел бы*

(Из разг. речи)

Этот коммуникатив используется как реакция на вопрос, который спровоцирован репликой-стимулом, вызвавшей удивление:

- *Мы с Алёшей напекли печеньё уже.*

- *И Алёша печёт печеньё?*

- *А как же!*

(Русская разговорная речь. Тексты)

Реакция на реплику-стимул, в которой содержится вопрос-уточнение.

- *Я так рада, что ты успел. На такси? Да?*

- *А как же!*

(Д. Драгунский. «Последний вагон»)

В этих примерах коммуникатив передаёт значение уверенного согласия: «Иначе просто не может быть». В этом смысле интересен заголовок в форме диалога в журнале «Огонёк», №52 за 2008 год:

- Будет ли глобальное наводнение? - А как же!

Этот случай напоминает старый анекдот: - Доктор, я умру? – А как же!

В данном случае коммуникатив *А как же!* свидетельствует о достоверности события, возможного в будущем, то есть является подтверждением того, о чём был запрос информации.

- Пойдём на лекцию?

- А как же!

(Из разг. речи)

В этом примере коммуникатив подчёркивает необходимость планируемого действия. Вопросительная реплика-стимул свидетельствует о необязательности его выполнения.

- Она в Кисловодске была. Радикулит лечила.

- Вылечила?

- А как же!»

(Из разг. речи).

Модифицированный коммуникатив *А то как же!* используется при желании говорящего рассеять сомнение при подтверждении содержания предшествующего вопроса или ранее высказанной мысли.

- Ты читала Булгакова?

- А то как же!

(Из разг. речи)

Коммуникатив *Ещё бы!* также выражает положительный ответ, то есть согласие с разной степенью категоричности.

- Она выйдет за него замуж?

- Ещё бы!

(Из разг. речи)

Коммуникатив *Ещё бы!* возникает при подчеркивании наличия основательных причин для замужества: был бы странным отказ от него.

- Она его любит?

- Ещё бы!

(Из разг. речи)

В данных контекстах реплика-реакция возникает на реплику-стимул вопрос, утверждение, предположение. Коммуникатив реализует интенцию подтверждения содержания информации реплики-стимула.

Вариантом рассмотренного коммуникатива является коммуникатив *Ещё как!* Он выражает согласие-подтверждение более интенсивно.

- Неужели ты можешь быть злой!

- Ещё как! (Из разг. речи),

то есть да, я могу быть очень злой.

- Тебя наказывали в детстве?

- Ещё как! (Из разг. речи),

то есть да, меня очень строго наказывали. Таков имплицитный смысл этих коммуникативов.

Для подчеркнутого согласия в рамках утвердительного ответа используется коммуникатив *Ну да!*

- Ты заходил к нему проведать?

- Ну да!

(Из разг. речи)

В нашем материале обнаружены контексты, в которых указанный коммуникатив реализует интенцию согласия-подтверждения как реакцию на реплику-стимул, содержащую негативную или неприемлемую для слушающего ситуацию.

– Много вашего брата полегло.

– Да уж!

(Из разг. речи)

– Вот раньше было: мужчины из-за женщин дуэли устраивали.

– Да уж! Не те нынче бабы пошли. (Из разг. речи)

В диалоге ведущих программу «Романтика романса» от 11 января 2014 года (канал «Культура») М. Максаковой и В. Белзы проскользнула легкая ирония, поскольку информация, содержащаяся в реплике-стимуле, воспринимается с долей юмора по поводу типичного поведения одесситов:

М. Максакова: *Если вы спросите коренного одессита, где находится какой-то дом, он вам долго будет рассказывать: «вот это дом Бабеля, а это...*

В. Белза: *Да уж!»* (Программа «Романтика Романса» от 11 января 2014 телеканал «Культура»)

Можно сказать, что этот коммуникатив выражает согласие с негативной оценкой ситуации, данной адресантом в реплике-стимуле.

– Замечательный автомобиль, вот только пыхтит.

– Да уж! (Из разг. речи)

– Посмотри, с какими лицами едут люди в метро!

– Да уж! (Из разг. речи)

Адресант негативно оценивает положение дел, ситуацию в целом. Адресат подтверждает эту оценку, возможно досадуя, но соглашаясь с такой оценкой. Не случайно в интернете есть рубрика с названием: *Да уж, бывает!* Под этой рубрикой собраны разнообразные смешные случаи, казусные ситуации, происходившие с людьми и с животными. Так что ни о каком выражении разочарования говорить не приходится. Коммуникатив *Да уж!* подобно синтаксемам, выступает в роли заголовка рубрики русского обозревателя в «Русской сети» [<http://www.rus.obr.ru/ru-web/12689>].

В последнее время все большей популярностью пользуется коммуникатив *А то!* Этот коммуникатив стал модным, подобно согласию, уже привычному в русском общении, выраженному англицизмом *О'кей!* Возможно, это обусловлено тем, что данный коммуникатив позволяет говорящему снять официальность разговора, неловкость, которая могла бы иметь место в этой коммуникативной ситуации.

А. Малахов: *Можно войти?*

А. Нетребко: *А то!*

(Из документального к/ф об А. Нетребко, телеканал «Культура»)

Коммуникатив *А то!* позволяет скрыть смущение и сразу перейти к дружеской (неофициальной) беседе.

Иногда коммуникатив *А то!* выражает согласие в шутливой форме, нарушая постулат скромности Дж. Лича «Отклоняй от себя похвалы.»

– *Да вы прекрасно выглядите!*

– *А то!* (Из разг. речи)

Адресат соглашается с мнением адресанта, но, конечно, шутя.

Явное согласие реализуется в следующем примере:

– *Ты будешь завтракать?*

– *А то!* (к/ф «Мир для двоих»)

Импликатура здесь может быть представлена следующим образом: *Конечно, я буду завтракать, не надейтесь, что я откажусь.*

Функционально-семантический и прагматический анализ коммуникативов, выражающих коммуникативную функцию согласия, позволил выявить частные разновидности этого значения в ответных репликах-реакциях в русских разговорных диалогах. К ним относятся: 1) согласие-подтверждение; 2) согласие-удивление; 3) Уверенное согласие; 4) категорическое согласие; 5) ироническое согласие; 6) подчеркнутое согласие; 7) согласие-разрешение; 8) вынужденное согласие; 9) согласие-уступка; 10) согласие-сочувствие; 11) согласие-оценка; 12) согласие-шутка; 13) горделивое согласие; 14) согласие-солидарность.

Несогласие содержит отрицательное отношение к действию или высказыванию собеседника, оно представляет собой информативное, оценочное или императивное высказывание и имеет в речи определенное воплощение с помощью средств выражения, использование которых в конкретной ситуации зависит от ряда причин: от намерения говорящего, от характера стимулирующей реплики и от особенностей речевой ситуации.

Речевой акт несогласия – это один из видов речевых актов негативной реакции, к которым некоторые учёные также относят акты запрещения и отказа [Ерема 1996]. К указанным актам необходимо отнести опровержение, возражение, выражение недовольства, неодобрения. Они имеют в речи вербальное воплощение не только в виде развернутых высказываний, но и в виде коммуникативов как ответных реплик-реакций в диалогическом дискурсе. Несогласие репрезентируется следующими коммуникативами: *А вот и нет! Вот ещё! Да ну! Ещё чего! Как бы не так! Как же! Ни в коем случае! Ни за что! Ни к чему! Ну уж нет!*

Коммуникатив *как же*, как правило, выражает значение несогласия и повторяет (дублирует) рему предыдущего высказывания с интенцией подчеркнуть негативно-ироническое отношение говорящего к предмету речи или к собеседнику.

Да, дождешься от вас, как же! (А. Островский, «Бедность не порок»).

В этом случае этот коммуникатив занимает постпозитивное положение в высказывании. В случае препозиции этого коммуникатива наблюдается усиление значения несогласия, а коммуникатив передает более сложное значение отрицания содержания предшествующей реплики в сочетании с иронией и негативной оценкой предмета речи.

– Тренер российской сборной твердил: «Медали нам обеспечены, если не золото, то серебро – точно».

– Как же! Даже в первую пятерку не вошли

(«Советский спорт» 03.7.2010)

Значение отрицания передается инициальным коммуникативом в следующей ответной реплике:

Коммуникатив *ни за что* выражает категорическое отрицание, несогласие.

– Ты поедешь к нему?

– Ни за что!

(Из разг. речи)

Этот коммуникатив выдает адресата как человека, утвердившегося в своем решении не совершать действия по каким-либо достаточно веским, хотя возможно, и субъективным причинам.

Более мягкое несогласие, некатегоричный отказ закрепился за коммуникативом *ни к чему*.

– Я встречу тебя.

– Ни к чему! Сама доберусь. (Из разг. речи)

Категорическое выражение несогласия, передаваемое коммуникативом *как бы не так*, сопровождается эмоцией возмущения.

- Вон можете прям сейчас выходить и пересаживаться на маршрутку.

- Как бы не так! Я уже деньги за проезд заплатила, так что выйду, когда мне надо будет. (Из материалов Ульяновского университета, 2007)

Насмешливый отказ, несогласие выражается коммуникативом *а вот и нет*, использующийся преимущественно в детской речи как «дразнилка».

– Отдай мальчику машинку!

– А вот и нет! Не отдам! (Из разг. речи)

Несмотря на то, что в Словаре эмоционально-экспрессивных оборотов живой речи В.Ю. Меликяна коммуникатив *как бы не так* фиксируется с пометой «просторечное», приходится констатировать, что сегодня он переходит в разряд разговорных, судя по его употреблению в публицистике при несогласии-опровержении. Вот некоторые примеры:

Игра сделана? Как бы не так! Страсти зашкаливают, и вот уже, «сталевары» остаются втроем. («Советский спорт», 2011.02.25)

Вы думаете, что наученные горьким опытом россияне не будут участвовать в этой авантюре? Как бы не так! Уже четыре тысячи человек принесли свои денежки. («Комсомольская правда», 2011.02.01)

В приведенных примерах коммуникатив *как бы не так* эксплицирует семантику несогласия-опровержения предыдущей информации, точки зрения. Коммуникатив *вот ещё* используется при выражении несогласия с чем-либо или в выражении отрицательного отношения к какому-либо предложению, просьбе.

– Неужели боишься? - Подзадорила меня Лидия Михайловна.

– Вот ещё! Ничего я не боюсь. (В. Распутин)

Анализ коммуникативов, выражающих несогласие, позволил выделить следующие частные разновидности этой семантики. К ним относятся: 1) несогласие-опровержение; 2) несогласие-возражение; 3) несогласие-

недовольство; 4) несогласие-неодобрение; 5) ироническое несогласие; 6) отрицание; 7) несогласие-оценка; 8) категорическое отрицание; 9) запрет; 10) отказ; 11) несогласие-возмущение.

Непосредственная реакция на что-либо в интеракции, как правило, эмоциональна, а значит, экспрессивна. «Экспрессивность рациональной оценке не свойственна» (Вольф, 2002). Это говорит о том, что там, где есть экспрессивность, мы всегда имеем дело с эмоциональной оценкой. В диалоге адресат с помощью экспрессивных синтаксических непредикативных сочетаний выражает свое отношение к мнению говорящего или к ситуации в целом. Таким образом, семантика согласия и несогласия неизбежно обогащается и семантикой оценки. Если человек согласен с чем-либо, одобряет нечто – значит, он это нечто оценивает положительно. Если не согласен, соответственно оценка будет отрицательная. Не случайно, что коммуникативы, выражающие семантику согласия, имеют своим субститутом наречие «хорошо», а несогласие – наречие «плохо». Если отталкиваться от общеоценочной дихотомии «хорошего» и «плохого», на которой выстраивается шкала оценок, то аналогично можно представить и такую шкалу, полюсовыми точками которой будут согласие и несогласие. Точно так же, как и в случае общеоценочной дихотомии, где есть срединное понятие нормы: «хорошо» – «норма» – «плохо». В нашей шкале срединное положение займет семантика безразличия: «согласие» – «безразличие» – «несогласие».

Сфера безразличного в языке выражается специальными средствами, которые демонстрируют, что объект или предмет, ситуация или событие находятся вне интересов или пристрастий субъекта речи вообще или в конкретной ситуации. По мнению Т.П. Белоусовой, «на усиление социальной апатии первыми отреагировали разговорная речь и жаргон. Появились и закрепились в употреблении фразеологические единицы: *до лампочки, до фени, по фигу, один фиг, на фига* и многие другие. Они выразительно диагностировали усталость, фатализм, ценностный вакуум, потерю исторической перспективы, и как следствие – безразлично-ироническое отношение человека к жизни» (Белоусова, 2006). В нашем материале их около 50-ти разновидностей, и это только в сфере непредикативных экспрессивных сочетаний в живой разговорной речи. Мы ограничились коммуникативы безразличия тремя единицами: *мне-то что, ну и что, ну и пусть*.

– *Представляешь, я потеряла кошелек с деньгами.*

– *Ну и что! Ещё заработаешь.* (Из разг. речи).

За безразличием может скрываться обида, протест. Наиболее ярко это проявляется в контексте, раскрывающем имплицитность указанных состояний и интенций. Есть случаи семантического сближения коммуникативов *ну что ж* и *ну и пусть*.

– *Ты же получишь двойку!*

– *Ну и пусть!* (Из разг. речи).

В этом контексте адресат заявляет о своем безразличии к оценкам или упрямстве, нежелании выучить урок. Когда адресант в своей реплике передает информацию о третьем лице, не участвующем в диалоге, то адресат, реагируя непосредственно, использует, как правило, коммуникатив *мне-то что*, который является актуализатором семантики безразличия к состоянию третьего лица.

– *Она обидится.*

– *Мне-то что!* (Из разг. речи).

Данная ответная реплика может дополняться выражением «*Пусть обижается!*»

По данным обследованного материала, некоторые коммуникативы могут быть выразителями директивных интенций. Директивные коммуникативы вызывают наибольшие трудности в их интерпретации. Речеактовую функцию директива в живой русской разговорной речи берут на себя коммуникативы *а всё-таки*, выражающий прагматическое значение требования уточнения информации, содержащейся в инициальной реплике-стимуле; *ну ладно и вот я тебе сейчас*, сигнализирующие об угрозе;

- *Ты во сколько придёшь?*

- *Не знаю.*

- *А всё-таки.* (Из разг. речи)

Инициатор общения не удовлетворён ответом на свой вопрос – запрос информации о времени прихода собеседника и настаивает на более конкретном ответе на вопрос. Исходное высказывание характеризуется информационной неполнотой с точки зрения адресата.

- *Ты счастлива?*

- *Не знаю!*

- *Что тебе нужно для счастья?*

- *Да не хочу я об этом говорить.*

- *Ну а всё-таки.* (к/ф «Только ты»)

– *Я боюсь уезжать.*

– *Да ладно тебе!* (к/ф «Дурная кровь»)

М.Ю. Федосюк, исследуя комплексные жанры разговорной речи *утешение*, *убеждение* и *уговоры*, приводит пример из живой речи уральского города:

– *Ваша директриса о людях вообще не заботится.*

– *Да ладно, завелся, мне уже лучше.*

Под целью речевого жанра исследователь понимает желание ослабить или устранить отрицательное эмоциональное состояние, в котором находится адресат, а сам речевой жанр относит к эмотивам (Федосюк 1996). В приведенном примере, утешение реализует побуждение, призывающее адресата не переживать. Как правило, оно сопровождается аргументативным сообщением, обосновывающим это побуждение.

В следующем примере указанная структура утешения реализуется не полностью, так как представлена только побуждающая часть, а аргументативная лишь подразумевается благодаря конситуации.

Валентин: <...> *Почему я такой? Ну почему? Обижают тех, кто других не может обидеть!*

Бухов: *Ну ладно, перестань ты испепеляться-то!*

(М. Рощин. «Валентин и Валентина»).

Ах, так! Ну ладно! (Из разг. речи)

Как показывает фактический материал живой разговорной русской речи, использующиеся в диалогах коммуникативы являются сигналами разнообразных директивных интенций, что подтверждает тезис об их речеактовой функции.

В третьей главе **«Функционально-семантическая и прагматическая характеристика метакоммуникативов»** речь идёт о метатекстовых функциях экспрессивных синтаксических конструкциях, называемых в настоящей работе **метакоммуникативами**.

До сих пор остаются без достаточного внимания метатекстовые единицы, которые рассматриваются как в аспекте их содержания (А.Н. Баранов, Е.В. Падучева, Т.В. Шмелева), так и в аспекте средств выражения метатекста (М.В. Ляпон, Н.К. Рябцева, А.А. Шаймиев и др.)

Заметное распространение в современном русском языке и речи получают синтаксические конструкции с опорным словом *вот*. Именно такого рода построения дают некоторый комментарий к какому-либо событию. Они могут быть связаны как с предшествующей, так и с затекстовой информацией. Являясь метатекстовыми вставками, эти построения сами по себе не имеют значения. Как правило, они выполняют функцию текстовых ориентиров, сигнализирующих о том, что в предыдущем тексте был подведен некий итог, или высказана чрезвычайно важная мысль, или была дана информация о только что совершившемся важном событии. Кроме того, они могут предупреждать о каком-либо важном событии, какой-либо важной информации, которые будут переданы в последующем тексте. Одним из таких сигналов является метакоммуникатив *так вот*.

– ... *какой крупнейший русский поэт в стихах признался: "Я мокрый, как мне стыдно"*

– *Не знаю.*

– *Так вот! Выяснилось, что это Константин Бальмонт в "феиных сказках"* (Русская разговорная речь. Тексты)

В данном примере метакоммуникатив *так вот* играет роль метатекстовой вставки, сигнализирующей о том, что в реплике-реакции будет в последующем высказывании важное сообщение.

В следующем примере несколько модифицированная метатекстовая вставка служит сигналом того, что речь говорящего была прервана, и он возвращает её к той же теме.

– *Расскажи, на какой день вы собрались?*

- Ты имеешь в виду в поход?
- Кофе будешь?
- Нет. Ну так вот! Вышли мы в пятницу утром

(Русская разговорная речь. Тексты)

Метакоммуникативы *ну вот, ну и вот* осуществляют ввод информации, передача которой по каким-либо причинам была прервана. Эти метакоммуникативы сигнализируют о продолжении разговора.

- Расскажи про поход.
- Сейчас. Кофе здорово солью посыпать.
- На какой день вы собрались?
- Ну вот. Вышли мы утром в среду. (Разговорная речь. Тексты).

Сочетание *ну так вот* может оформлять вывод из предшествующего высказывания при возвращении к прежней теме или ситуации.

Мать идёт. Давай заниматься. Ну, так вот, братец ты мой, - возвышает он голос, - эту дробь надо помножить на эту (А. Чехов. «Накануне поста»).

Функция завершения мысли, информации или вывода из предшествующего высказывания характерна для метакоммуникатива *вот так-то!* Необходимо отметить, что это экспрессивное сочетание не включено ни в «Словарь эмоционально-экспрессивных оборотов речи» В.Ю. Меликяна, ни в «Словарь сочетаний, эквивалентных слову» Р.П. Рогожниковой. В нашем материале имеются контексты с этим метакоммуникативом, причем в разных дискурсах с коммуникативной интенцией оформить вывод из предыдущего сообщения или обозначить метатекстовую концовку. По мнению Т.Ф. Ефремовой, это сочетание является междометием, возгласом, выражающим подтверждение мысли, содержащейся в предыдущем высказывании. На наш взгляд, это подведение итога, подчеркивание уверенности говорящего в справедливости, правомерности информации.

Поселок Коктебель в тысяча девятьсот сорок четвертом году был переименован в Планерское. Вот так-то! (к/ф «Коктебель»)

Метатекстовыми показателями концовки информационного сообщения являются и метакоммуникативы *вот и всё, ну и всё, вот так вот* за которыми, как правило, следует мена коммуникатива, мена темы или мена режима диалога или разговорного монолога. Если обратиться к структуре, композиции разговорных монологов, то есть к повествовательным фрагментам-нарративам, то станет очевидным, что в них имеются базовые инвариантные компоненты: зачин, экспозиция, осложнение, развязка и кода. Указанные метакоммуникативы являются сигналами коды.

- Она рассказывала, что когда его переводили, надо всё время делать купюры.

- Да-а-а!
- Вот так вот. (Разговорная речь. Тексты).

Я просто видеть тебя не желаю, вот и всё (к/ф «Исчезнувшая империя»)

Никуда я не пойду! Вот и всё! (к/ф «Бедные родственники»).

Что касается метакоммуникатива *да вот*, то он используется в начале ответа на вопрос для указания на готовность говорящего к объяснению своего поступка, поведения или мнения:

- *Что будете делать?*

- *Да вот собираемся сходить в кино* (Из разг. речи).

Метакоммуникатив, в состав которого входит лексема *ладно*, может служить эксплицитным вербальным сигналом завершения темы самим говорящим, её развившим, например:

– ... в последнее время я очень часто об этом задумываюсь. Страшно даже бывает. Вот, ну да ладно. (Л.Е. Кройчик, // газета «Воронежский университет»).

Данная структура не формирует собой речевого акта, что свойственно только коммуникативам, а участвует в организации метатекста.

Выявленная метатекстовая функция экспрессивных синтаксических построений позволяет их объединить в один класс метакоммуникативов. Метакоммуникативы, как показал анализ материала, выполняют многообразные текстовые функции. К ним относятся следующие: функция обозначения перехода от одной темы к другой; функция привлечения внимания к особой значимости последующего высказывания; функция итоговой концовки речи в завершающих диалог репликах; функция вывода из предшествующего высказывания; функция начала нового целого блока любой информации; функция обозначения готовности объяснения причин своего поведения; функция размыкания интеракции.

В четвёртой главе **«Функционально-семантические и прагматические характеристики коммуникем»** анализируются экспрессивные синтаксические конструкции, коммуникемы, передающие эмоционально-оценочную характеристику, в большинстве случаев негативную, отрицательную, реже положительную или амбивалентную. В то же время они способны передавать различные эмоциональные состояния субъекта, эмоциональную оценку речевой ситуации, какого-либо события, а также в зависимости от контекста – ментальное состояние субъекта. К ним относятся следующие построения: *Вот так так! Вот это да! Ишь ты! Ну и ну! Ух ты! Это ж надо!* и др. Одна и та же коммуникема может выполнять противоположные функции. Так, коммуникема, например, *вот это да* экспрессивно в разных ситуациях может одновременно выражать восхищение, удивление, недоумение, разочарование или пренебрежение. Такие эмоции имеют прагматическую направленность на самого говорящего: они импульсивны, что и отличает их от коммуникативов, имеющих четкую прагматическую целенаправленность на собеседника, волевое давление на него, чего не наблюдается у коммуникем. Коммуникемы можно отнести к собственно эмотивной лексике. Они выражают не направленные прямо на собеседника эмоции, а скорее являются знаками эмоционального речевого поведения как результата эмоционального отношения говорящего к миру. Коммуникемы – это важная часть живого разговорного языка с широким

диапазоном значений, выражаемых интонационно и в рамках определенной речевой ситуации, которая представляет собой стимул к её порождению. Такие сочетания относятся к экспрессивным синтаксическим конструкциям, способным передавать эмоцию удивления, как со знаком плюс (+), так и со знаком минус (-). Диффузность эмоции удивления проявляется в том, что она может сопровождаться недоумением, сомнением, смущением, интересом, тревогой, страхом и восхищением. Удивление с оттенком восхищения, восторга, одобрения выражено в следующих текстовых фрагментах:

Просто я взял решение синоптиков ещё в шесть утра, когда они его обсуждали. Вот это да! – с восхищением подумал Кочин.

(Стругацкие. «Полдень XXII века»)

Вот так так! выехала встречать Настю сама Ольга Карпов.

(В. Тендряков. «Подёнка – век короткий»)

Восхищение говорящего вызвано предварительными фоновыми знаниями о том, что персонаж раньше никогда никого не выезжала встречать.

Коммуникема *вот так так* становится средством выражения досадливого удивления, растерянности. Например:

– Если измерить в километрах, то не больше двадцати, а если по времени считать, то часа полтора затратите. Здесь дорога плохая – прошли дожди и все развезло.

– Вот так так! – Ромашов вытаращил глаза и слегка присел. –

Надо бы ему на чай, а у меня ничего нет (Куприн. «Поединок»),

Или неодобрительного удивления: *Никита: Вот так так! Я рассчитываю, как лучше дело обсудить, а она - вон как: жениться надумал*

(Л. Толстой. «Власть тьмы»)

Удивление с оттенком, неодобрения, порицания, негативной оценки выражено в следующих контекстах с коммуникемами:

Таня: Вот только жаль, что в дом вошло что-то чужое, неприятное.

Леонид: Зовут это чужое – Леночка?

Таня: Не знаю, скорее Федор.

Леонид: Вот так да! Почему? (В. Розов. «В поисках радости»).

В следующем примере этой коммуникемой выражено удивление с явным одобрением:

Если из Хабаровска вылетим в восемь часов, то в шесть часов будем в Москве.

- Две тыщи сто километров в час! Вот это да!

(Разговорная речь. Тексты).

- Так вы и предсказывать можете?

- Конечно.

- Это ж надо!

(Из разг. речи).

Необходимо отметить, что в русской разговорной речи коммуникема *это ж надо* закрепила за выражением эмоционального осуждения.

- Это ж надо – три тысячи погибло! (Из разг. речи).

Существенно, что эта коммуникема и выражаемая ею реакция становится возможной только в том случае, когда объектом оценки является некое 3-е лицо. Говорящий тем самым проявляет солидарность с собеседником. То же самое касается и коммуникемы *ну и ну* в следующем примере, где только контекст позволяет интерпретировать это построение как выражение отрицательной эмоции, поскольку нельзя положительно относиться к факту разрушения чего-либо.

– *И все глядели на Сергея Петрикова, который суетился около своей разрушенной печки и восклицал:*

– *С чего бы это она, господа?*

Но ему ничего не говорили. Только говорили:

– *Ну и ну!* (М. Зощенко. «Поимка вора оригинальным способом»)

Не случайно в интернете существуют сайты под названием: *Ну и ну!* Один из них называет подборку криминальной хроники, другой называется: *Ну и ну! Этот удивительный мир!*

Этот факт говорит о том, что коммуникемы, так же, как и коммуникативы могут употребляться в изолированной позиции, самостоятельно, что делает их подобными синтаксемам. В этом смысле любопытна коммуникема *вот так так*. Она способна выразить целую гамму эмоциональных состояний как положительных, так и отрицательных, но всегда это будет удивление.

– *Тебе завтра в 10 часов нужно быть у декана.*

– *Вот так так! У меня были другие планы.* (Из разг. речи).

Одобрительное удивление или восхищение выражается коммуникемой *вот тебе раз*.

– *Вот тебе раз! А говорила, что плохо рисуешь, молодец, очень похоже...* (Из разг. речи).

Данная коммуникема сигнализирует об эмоциональной реакции на неожиданность события или поступка с оттенком разочарования из-за недостатка информации:

– *Свет, Света-а! Иди скорее сюда, смотри, что тебе прислали!*

– *Вот тебе раз! А записки нет?* (Из разг. речи).

Удивление с оттенком недоумения выражено этой коммуникемой в следующих текстовых фрагментах:

Шура: Яков, скажи честно: что такое Тятин?

Лаптев: Вот тебе раз! Ты же почти полгода ежедневно видишь его. (М. Горький. «Егор Булычов и другие»).

Коммуникема *да ладно* может предавать эмоцию удивления, смешанного с недоверием к переданной информации и одновременно радостью. В этом случае эта коммуникема становится синонимичной вопросительной частице *неужели* и *разве* (*разве, неужели это возможно*, также выражающими вопрос с сомнением, недоверием), но коммуникема *да ладно* закрепила в разговорном диалоге как сигнал радостного удивления от, казалось бы, чего-либо невозможного для осуществления.

– *Мы звонили вашему Игорю, и он приедет сюда на передачу.*

– *Да ладно!* (Программа «Модный приговор» 21.03.2014)

Проанализированный материал позволяет констатировать наличие коммуникем, назначение которых заключается в передаче впечатлений от услышанного или увиденного. Эти эмоциональные впечатления превращаются в непосредственные экспрессивные реакции, возникающие непроизвольно, часто неосознанно в русском диалогическом общении.

Исходя из понятия диффузности эмоционального удивления – одной из главных функций коммуникем – выделяются следующие частные его разновидности: недоумение, сомнение, смущение, интерес, тревога, огорчение, страх и восхищение. Понимание перечисленных частных значений удивления зависит от фоновых, пресуппозиционных знаний, которые могут обеспечить более широкий контекст. Только в этом случае можно определить конкретные имплицитные смыслы таких коммуникем, как *вот так так, вот так да, вот это да, это ж надо, ну и ну, вот тебе раз, вот тебе на* и др.

В **Заключении** подводятся итоги проведённого исследования и формируются основные выводы.

Анализ экспрессивных синтаксических построений, чрезвычайно распространённых в русских диалогах, показал, что их состав может быть представлен в виде трёх разновидностей: коммуникативы, метакоммуникативы и коммуникемы.

По результатам предпринятого нами исследования, основными семантико-прагматическими функциями экспрессивных сочетаний являются: речеактовая, метаязыковая и эмоционально-оценочная функции. Речеактовая функция закрепились за коммуникативами; метаязыковая – за метакоммуникативами; экспрессивно-оценочная – за коммуникемами.

В ходе анализа экспрессивных синтаксических конструкций как коммуникативных единиц современной живой разговорной речи было выяснено, что в зависимости от контекста, характера реплики-стимула в диалоге и коммуникативной ситуации в целом сочетания с опорным словом *ладно (ну ладно, да ладно, ну да ладно)* могут выполнять функции как коммуникатива и метакоммуникатива, так и коммуникемы.

Основные положения диссертации изложены в **публикациях:**

1. Лу Бо. Особенности перевода лакун и фразеологизмов (на материале русского и китайского языков) / Бо Лу // Труды молодых учёных. – Научный журнал. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2012. – Вып. №1-2, 2011. – С.123-131.
2. Лу Бо. Дискурсивные характеристики словосочетания «Ну так вот» в русском языке / Бо Лу // Текст. Дискурс, Картина мира. – Воронеж: «Истоки», 2013. – Вып.9. – С. 153-156.
3. Лу Бо. Коммуникативы как барьеры в межкультурном общении / Бо Лу // Культура общения и её формирование. – Воронеж: «Истоки», 2013. – Вып. 27. – С. 116-118.
4. Лу Бо. Проблема дифференциации Коммуникативных единиц экспрессивного синтаксиса / Н.М. Вахтель, Бо Лу // Вестник Воронежского

государственного университета. Серия: Филология. Журналистика – Воронеж, 2014. – №1. – С. 19-21.

5. Лу Бо. Дискурсивные характеристики лексемы «ладно» в русском диалоге. / Н.М.Вахтель, Бо Лу // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – Воронеж, 2014. – №2. – С. 26-27.

6. Лу Бо. Частные значения согласия, выраженного коммуникативами / Бо Лу // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика, 2015. – №2. – С. 50-52.

Статьи под №4, №5 и №6 опубликованы в журналах, входящих в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России.